

Владислав Ходасевич

*Входя ко мне, неси мечту,
Иль дьявольскую красоту,
Иль Бога, если сам ты Божий.
А маленькую доброту,
Как шляпу, оставляй в прихожей.*

Веселая наука

\$m составил сборную самых перспективных экономистов мира

Если бы на чемпионате мира в Германии сражались не национальные сборные, а команды ученых, сборная экономистов мало кого оставила бы равнодушным. У нее отличные форварды, которые блистают не только на семинарах, но и на телевидении, привлекающая к «мрачной науке» внимание миллионов; полузащитники, которые сочетают фундаментальные исследования с прикладными; надежная линия обороны. Составленная \$m экономическая сборная мира играет по модной системе 3+5+2. Мы включили в нашу команду лишь тех, кому нет 40. Их старшие коллеги выступают с почетными докладами на конференциях, учат студентов, занимают места в советах директоров крупных компаний и иногда получают Нобелевские премии. Чего не делают маститые экономисты, так это не определяют, чем наука будет заниматься завтра. Это работа для молодых, ведь в 40 лет жизнь ученого только начинается.

НОВЫЙ СТИЛЬ ИГРЫ

Чем отличаются современные звезды от своих предшественников? Молодежь 1980-х — Пол Милгрэм, Эрик Маскин, Роджер Майерсон, Бенгт Холмстрём — занималась преимущественно теоретизированием. Они научили экономистов воспринимать каждое взаимодействие — начальника с подчиненным, фирм-соперников на рынке, фирмы с политиком и политика с избирателями — как стратегическую игру. Как шахматы или преферанс: то, что игрок делает, зависит не только от того, что он знает, но и от того, как он представляет стратегию противника. Их работы были математически изощренными, с формулами, теоремами, длинными и сложными вычислениями. У их предшественников математики было еще больше, но только восьмидесятники сумели показать, насколько хорошо формулы объясняют взаимодействие реальных экономических агентов. Следующее поколение — Пол Кругман, Кевин Мёрфи, Андрей Шлейфер,

Брэдфорд Де Лонг, Джин Гроссман — находилось под мощным обаянием «простых идей». Теоретические работы по сравнению с предыдущим десятилетием сильно упростились, зато бросили вызов вечным истинам. Например, оказалось, что цены на фондовом рынке часто определяют не специалисты по арбитражу, а иррациональные или наивные инвесторы. Простым идеям этого поколения не хватало одного — данных для их проверки.

Может быть, поэтому нынешнее поколение молодых делает ставку как раз на работу с данными. Конечно, и раньше были выдающиеся экономисты, прославившиеся обработкой больших статистических рядов, — достаточно назвать Саймона Кузнеца или Джеймса Хекмана. Но поколение Интернета и глобализации способно разглядеть в колонках цифр и названий куда больше, чем их предшественники. В руках современного экономиста железнодорожный справочник, результаты теннисного

турнира, перечень имен девочек, родившихся в калифорнийском городке, кредитный баланс сельского отделения индийского банка, список английских солдат, умерших от малярии в Колумбии 200 лет назад, — всё, как по мановению волшебной палочки, превращается в источник информации для серьезного экономического исследования. А если данных нет, их можно создать: вот Марианна Бертран и Сендхилл Муллаинатан направляют в фирмы, где есть вакансии, одинаковые резюме с разными именами, и оказывается, что у резюме, в которых стоят типично негритянские имена, шанс быть замеченными вдвое меньше, чем у тех, в которых указаны типично «белые» имена. А вот они же рассылают специальные предложения клиентам южноафриканского банка. На некоторых, выбранных по жребью, бланках есть небольшое отклонение от стандарта. Например, в углу помещен небольшой женский портрет. И оказывается, что такая мелочь статистически

значимо влияет на вероятность того, что адресат примет предложение: женское личико эквивалентно снижению процентной ставки на 2–3 пункта!

ОБОРОНА ОСНОВ

Несмотря на то что сегодня в моде исследования, опирающиеся на интересные базы данных, настоящая «большая» наука без теории никуда. Вот хороший вопрос: как могут два экономических агента скоординировать свои действия, если у них нет общего языка? У них есть общий алфавит, но сначала нужно договориться о том, что означает каждое слово. Самое простое — передать руководство одному из агентов, но даже эту операцию нелегко осуществить до выработки общего языка. Звучит немного абстрактно для экономиста? Так кто-то

же должен выполнять черновую (ее еще называют фундаментальной) работу. Такого рода теоремы — конек выпускника московского Физтеха Ильи Сигала, который работает в Стэнфорде.

То, что Виктор Черножуков скоро станет постоянным профессором в Массачусетском технологическом институте (МТИ), никого не удивляет. Его многочисленные статьи, в которых изучаются тонкие методики работы с экономическими данными, опубликованы в журналах, где и единственная публикация является серьезным достижением.

Проблемы, которыми занимается Черножуков, вполне классические: как правильно анализировать данные, если зависимая переменная (например, время, за которое школьник решает какую-то задачу) связана с объясняющими

переменными (например, индивидуальными характеристиками — ростом, цветом глаз, коэффициентом интеллектуального развития) не только напрямую, но и через какой-то дополнительный канал влияния. Если не учитывать возможность непрямого влияния, можно получить странную зависимость: в среднем по школе быстрее справляются с заданием те ученики, которые выше ростом! Сенсация? Вовсе нет. Мы же даем одну и ту же задачу всем ученикам, и глупо удивляться, что старшеклассники справились с ней быстрее, чем первоклашки. А они, конечно, и ростом выше. Если бы мы проверяли эту зависимость для каждого класса в отдельности, она, глядишь, и исчезла бы. Предложить общую методику анализа данных в подобных ситуациях — невероятно сложная задача, и работы Черножукова приближают ее решение.

Большинство игроков «сборной мира» родились в Европе, но учились уже в Америке, которая, как пылесос, вытягивает экономические таланты со всего мира. Единственное исключение — Томас Мариотти, который учился в Тулузе, а работает в Лондонской школе экономики.

Экономисты обычно боятся отступать от парадигмы «рационального выбора», то есть от предположения, что у каждого из действующих лиц имеются неизменные предпочтения относительно всех возможных исходов. Мариотти не боится, его как раз интересует теория нерационального поведения. Главному герою одной из его работ, написанной совместно с Хуаном Карилло, приходится стратегически взаимодействовать не с кем-нибудь, а с самим собой. Это происходит потому, что герой знает, что его предпочтения могут измениться, и, пока этого не произошло, старается повлиять на себя более позднего. Принимая утром решение, идти в бар или нет, наш индивид может ценить мирный вечер, проведенный в баре, выше, чем вечер, проведенный дома с книжкой, и гораздо выше, чем драку в баре. Он, однако, понимает, что, очутившись в баре, предпочтет не ограничивать себя, напиться и затеет драку. Поэтому еще утром он может отказаться от похода в бар, чтобы связать таким образом себя вечернего.

Сендхилл Муллаинатан работает в Гарварде, но

мог бы работать где угодно: у него «грант грантов» Фонда Макартуров. Ученый получает \$500 000 на пять лет с одним-единственным условием — делать то, что он хочет. На зависть любому «чистому» ученому никакой отчетности не требуется — достаточно просто быть гением. К огорчению гендиректоров всех стран, чистая наука, которой занимается Муллаинатан, — финансы. Из его работ видно, например, что каждый доллар, попавший в прибыль фирм по счастливой случайности (например, для нефтяной компании это — повышение цен на нефть), на столько же увеличивает зарплату CEO, что и все остальные доллары прибыли. А значит, огромные зарплаты топ-менеджеров — вовсе не результат того, что акционеры в точном соответствии с теорией корпоративных финансов предлагают им контракты, создающие оптимальные стимулы для работы. Если бы контракт был оптимальным, за «случайную» прибыль платили бы меньше...

В ЦЕНТРЕ ПОЛЯ

Соавтор Муллаинатана Марианна Бертран работает в бизнес-школе Чикагского университета. Вместе они рассылали резюме с разными именами, чтобы проверять, какие предрассудки управляют поступками начальников отделов кадров. Они же представляли индийским водителям средства, чтобы те давали взятки вместо экзамена на права. Оказалось, кстати, что в коррупции нет ничего хорошего, а ведь сколько глубоких теоретических соображений можно привести в ее пользу!

Ролан Фрайер из Гарварда — единственный темнокожий экономист в нашей сборной. Его мать ушла из семьи, когда ему было два года, отец пил и бил его, в юности Ролан торговал наркотиками и носил в кармане пистолет, но сейчас, в свои 30 лет, он — одна из самых ярких звезд экономической науки. В своих работах ученый использует уникальные базы данных, благодаря которым можно проследить последствия программ принудительной десегрегации

в американских школах в 1960–1970-х гг. С их помощью можно, например, выявить «самого сегрегированного» ученика в США, который больше всего времени проводит, общаясь в школе со сверстниками своей расы. Другой проект Фрайера — «Экономика “белого поведения”». Оказывается, черному мальчику, который хочет учиться, трудно в школе, в которой большинство ребят тоже черные. Его дразнят за хорошие отметки и любые школьные успехи, потому что это, по мнению сверстников, «белые ценности».

Эстер Дуффо из МТИ занимается «микроэкономикой развития». Это 20 лет назад экономисты, которые изучали развивающиеся страны, смотрели в основном на агрегированные показатели — размер бюджета, уровень сбережений и инвестиций, уровень промышленного развития. А сейчас типичная работа по экономике развития выглядит так: экономисты приезжают в индийскую или филиппинскую деревню, чтобы выяснить, как влияют банковские кредиты на жизнь сельчан. Одна из работ Дуффо позволяет по-новому взглянуть на старые «истины» — например, о том, как влияет уровень образования матери на развитие ребенка. Для этого она воспользовалась базой данных об индонезийских женщинах и их детях, собранной в 1995 г. Задача — выяснить, жили ли матери в тех районах, где в начале 1970-х правительство понастроило школ в рамках большой государственной программы. Дуффо не нашла подтверждения гипотезе о том, что уровень образования матери влияет на характеристики развития ребенка сильнее, чем образование отца. Дело не в том, что у Индонезии особенная статья. Просто дополнительное условие — наличие программы строительства школ — позволило отбросить «ложные» зависимости.

Есть великие ученые, вся карьера которых связана с одной темой. С годами они становятся главными, а порой и единственными специалистами в каком-то узком вопросе. А есть «универсалы»: на что ни бросят взгляд, получается интересная статья. В последней работе Тед Мигель из Беркли использует уникальные данные министерства обороны США, чтобы оценить последствия американских бомбардировок Вьетнама. Поразительно, но те районы и деревни, которые подвергались «ковровым бомбардировкам», сегодня ничуть не отстают в экономическом развитии

3%

женское лицо в письме с предложением кредита помогает всучить его по более высокой ставке

от территорий, которые не были затронуты войной (а это почти 80% всех деревень Вьетнама). Приступая к этому исследованию, Мигель и его соавтор Жерар Ролан ожидали, что разница будет существенной, а выяснилось, что способность районов восстанавливаться после почти полного разрушения очень высока.

В отличие от Мигеля Рэй Фисман из Колумбийского университета сделал себе имя на разработке одной темы — коррупции в развивающихся странах. Большую известность ему принесла небольшая работа о том, как влияли новости о здоровье диктатора Сухарто на цены акций на индонезийском фондовом рынке. Фисман работал с уже готовой базой данных о связях компаний с семьей Сухарто, но сама идея оказалась новаторской. Сегодня систематические исследования политических связей компаний и бизнес-связей политиков стали появляться гораздо чаще, но Фисман остается заслуженным лидером этого направления.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Дарон Асемоглу из МТИ — последний обладатель John Bates Clark Award. Этот приз вручается самому выдающемуся американскому экономисту младше 40 лет, престижнее только Нобелевские премии. Основная область деятельности Асемоглу — динамические модели рынка труда, но популярнее всего оказались его совместные работы с Джимом Робинсоном про демократии, диктатуры и влияние экономических институтов на политическое развитие. Вы разве не знаете, что страны, которые два века назад показались первым колонистам бедными и неразвитыми, сегодня далеко оторвались от тех, что на момент колонизации были относительно успешными? В многочисленных теоретических работах Асемоглу развил идеи Дугласа Норта и Барри Вайнгаста о «не-

возможном обещании». В работе Асемоглу и Робинсона, которая называется «Теория смены власти», показано, что богатые были бы рады перераспределить часть богатства в пользу бедных, но не в силах убедить бедную в серьезности своих намерений. А бедные, находясь у власти, сталкиваются с опасностью военного переворота, потому что не могут заслуживающим доверия образом пообещать не экспроприровать богатых.

Стивен Левитт из Чикагского университета получил John Bates Clark Award за два года до Асемоглу, но ему и сейчас нет 40. Левитт прославился своим умением разглядеть за колонками цифр то, чего не видят другие. Эксперты называли десятки причин резкого снижения уровня преступности в Америке в начале 1990-х, но Левитт первым высказал — и не побоялся доказать — гипотезу о том, что главную роль сыграло решение Верховного суда США, в 1973 г. легализовавшего аборт. Дети, которые не появились на свет из-за

того, что их матери получили возможность сделать аборт, как раз и составили бы, по Левитту, основную «группу риска». Эта работа вызвала бурю в Америке: ее выводы были осуждены и слева, где само предположение о том, что за будущую преступность в ответе бедные черные матери-одиночки, кажется кошунственным, и справа, где борьба за запрет аборт является одной из «священных коров». А с Левитта как с гуся вода: назвал себя «экономистом-изгоем» и вместе с журналистом Стивеном Дабнером опубликовал в прошлом году бестселлер «Чудакономика» (Freakonomics).

В науке, как и в футболе, нет идеального критерия, позволяющего выбрать основной состав, который устроил бы всех. Один силен количеством опубликованных работ, у другого работ мало, но они перевернули представления экономистов о мире, третий раздражает коллег всезнайством, зато обеспечивает науке пристальное внимание журналистов. На скамейке запасных остались Эд Глейзер из Гарварда и Андреа Прат из Лондонской школы экономики, Марко Баттальяни из Принстона и Леат Ярив из Калифорнийского технологического института, Малькольм Бейкер из Гарвардской школы бизнеса, Юлий Санников из Беркли и Дэниел Вулфензон из бизнес-школы Нью-Йоркского университета. С такой командой экономическая наука готова бросить вызов любой другой! **\$m** Константин Сонин

DREAM TEAM Самые перспективные экономисты десятилетия

11 Ролан Фрайер Гарвард

10 Дарон Асемоглу Массачусетский технологический институт

7 Стивен Левитт Чикагский университет

5 Рэй Фисман Колумбийский университет

9 Марианна Бертран Бизнес-школа Чикагского университета

6 Тед Мигель Беркли

3 Эстер Дуфло Массачусетский технологический институт

2 Томас Мариотти Лондонская школа экономики

8 Виктор Черножуков Массачусетский технологический институт

4 Сендхилл Муллаинатан Гарвард

1 Илья Сигал Стэнфорд

ФОТО: ИЗ РИЧМОНД АРХИВА ЭКОНОМИСТОВ

SMARTMONEY # 17 | 10.07.2006